

темперамент Татищева с его богатым жизненным опытом, разно-сторонними интересами и знаниями, но без всякой школьной под-готовки был противоположношью шлёцеровскому облику уче-ности.

Когда Шлёцер писал о Татищеве, он знал о нем только то, что мог извлечь из мимолетных автобиографических отступлений, которые встречаются у Татищева в его «Истории Российской». Ведь даже и русские авторы, писавшие в те времена, не могли сообщить о Татищеве чего-либо сверх этого. Доказательство — единственное библиографическое пособие, новиковский «Опыт исторического словаря о российских писателях» (1772), ограничивался только данными, заимствованными из татищевского труда. Шлёцер мог, например, только «предполагать», что Татищев умер в 1750 г., так как он «нигде не нашел» точных дат ни рождения, ни смерти этого «замечательного человека». Также и все другие касающиеся Татищева сведения были извлечены Шлёцером из самопризнаний Татищева в его «Истории»: и то, что Татищев «поздно» приступил к занятиям историей (действительно, Татищеву было тогда около 33 лет), и что это произошло для него «случайно», что он знал из иностранных языков только немецкий язык, что вся основная деятельность Татищева протекала на военной и административной службе — все это Шлёцеру было известно из «Истории Российской». Отсутствием других данных объясняется и недоуменный вопрос Шлёцера — кем был у Брюса Татищев — «писарем или секретарем?».¹⁴

Вывод из таких биографических данных мог быть сделан Шлёцером с точки зрения геттингенской филологической выучки только один — Татищев «не был воспитан для истории», он был в этом отношении «совершенно неучен».¹⁵ Но такой вывод отнюдь не повел Шлёцера ни к умалению его уважения к личности самого Татищева, ни к какому-либо пренебрежению к татищевскому труду. Наоборот, как личность Татищева, так и труд его тем более вырастали в глазах Шлёцера.

Именно в общих суждениях Шлёцера Татищев является «истинным историческим гением», который «был рожден для истории своей страны», он был «отцом русской истории», «первым удовлетворительным» ее историком. «История Российская» Татищева, по Шлёцеру, — это «знаменитое», «многотрудное», созданное «невероятным трудолюбием» сочинение, «славный памятник удивительного прилежания ее автора».¹⁶

¹⁴ *Общественная и частная жизнь...*, с. 51, 52; Schlözer A. L. *Probe russischen Annalen*. S. 149, № 6. — Шлёцер здесь прямо указывает, что заимствует свои данные о Татищеве из «еще не напечатанного Введения в Русскую историю».

¹⁵ *Общественная и частная жизнь...*, с. 51; *Нестор. Русские летописи*, ч. I. СПб., 1809, с. РМГ.

¹⁶ *Общественная и частная жизнь...*, с. 51, 322; Schlözer A. L. *Probe russischen Annalen*, S. 150; *Нестор. Русские летописи*, ч. I, стр. РМГ; ср.: *Нестор. Russische Annalen. Theil I. Göttingen*, 1802, S. 92—93.